

ББК 63.3 (4 Бел):71.1

ДОКУМЕНТЫ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НЕМЦЕВ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1941-1944 ГГ.) В ФОНДАХ ГАГО И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.А.Соболевская

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является аккумуляция источников Государственного архива Гродненской области периода Второй мировой войны, характеризующих специфику повседневной жизни немецкой этнической общности на территории Западной Беларуси в период оккупации (1941-1944 гг.) для включения их в современный социально-культурный дискурс. Для достижения данной цели поставлены следующие исследовательские задачи: определить понятия «повседневная жизнь» и «социокультурная деятельность»; выявить документы, отражающие различные стороны повседневной жизни «райхсдойче» и «фольксдойче» на территории оккупированной Западной Беларуси в фондах государственного архива Гродненской области; вписать полученные результаты в контекст социокультурной деятельности. В результате работы на основании актов Государственного архива Гродненской области были охарактеризованы особенности ценностей, форм мышления, моделей поведения и быта немцев («райхсдойче» и «фольксдойче») на территории оккупированной Беларуси; были вынесены рекомендации по использованию архивных документов, повествующих о повседневной жизни в период Второй мировой войны в идеологическую и воспитательную работу, которую проводят организаторы социокультурной деятельности (работники музеев, выставочных центров, организаторы лекций, исторических реконструкций, кураторы, ответственные за воспитательную и идеологическую работу и др.).

Ключевые слова: повседневная жизнь, «райхсдойче», «фольксдойче», социально-культурная деятельность, письменный источник, архив.

Несмотря на отдаление от современности событий Второй мировой войны, её уроки остаются в центре научных дискуссий, открываются новые ракурсы в трактовке известных, казалось бы, фактов. В странах, переживших оккупацию, широко масштабно отмечаются круглые даты и, несмотря на смену поколений, остаются в памяти погибшие и пропавшие без вести герои той великой трагедии. Несомненно, тема до сих пор эмоционально окрашена как для победителей, так и для побеждённых, она является важной частью социокультурного дискурса, более того, в Республике Беларусь она стала стержнем актуальной государственной идеологии, находится в фокусе воспитательной работы и художественного творчества. Эти обстоятельства говорят в пользу значимости продолжения работы по вводу в научный оборот архивных источников, которые могут помочь в демифологизации истории Второй мировой войны и актуализации этой информации в социокультурной деятельности. Именно этой **проблеме** посвящена данная статья.

В сложившейся **историографии** к изучению документов Государственного архива Брестской области периода оккупации в своей диссертации обращалась И. Еленская [1], но документы Государственного архива Гродненской области всё ещё ждут исследователя-источниковеда. Проблемы повседневной жизни на оккупированных территориях так и остались периферией научных исследований. Единственной монографией по этой теме остаётся книга Б. Кьяри [2], при этом немецкого историка в первую очередь интересовала жизнь местного населения в

условиях оккупации, немцы же в большей степени выступают в роли организаторов репрессивной машины, членов новой администрации, а не участников повседневных взаимодействий. В 9 части многотомной истории Второй мировой войны, написанной немецкими историками, осуществлена попытка обратиться к повседневной жизни на территории Восточной Европы [3], но как и в вышеназванном труде Б. Кьяри, в энциклопедии не были использованы документы ГАГО. Некоторые фрагменты темы присутствуют в работах Д.А. Кривошея [4], В. Тугая и С. Тугай [5], А. Бракеля [6].

Итак, проблема, сформулированная в теме настоящей статьи, прежде не была предметом исследования. Это обстоятельство актуализирует **цель работы** – анализ документов Государственного архива Гродненской области (ГАГО), характеризующих повседневную жизнь немцев на территории Западной Беларуси в 1941-1944 годах для определения перспектив использования содержащейся в них информации в социокультурной деятельности.

Источниковую базу данной работы составили документы 1 фонда Государственного архива Гродненской области – «Гродненский уездный комиссар Гражданского управления Белостокского округа, г. Гродно. Kreiskomissar Grodno». В фонде присутствуют инструкции, рапорты, отчеты жандармерии, гестапо и других оккупационных учреждений на немецком языке за 1941-1944 гг.

Под **повседневной жизнью** понимают устойчивый, повторяемый мир, реальность, с которой индивидуум сталкивается в сотнях ежедневных житейских ситуаций, борясь за существование, преодолевая трудности. Обыденные ситуации повторяемы, привычно организованы, рутинны и тривиальны. Формообразующими факторами повседневности являются мир вещей, ценностей, формы мышления, модели поведения [7]. Повседневное противостоит праздничному, трансцендентному и экстраординарному. По определению Ю. Лотмана, повседневная жизнь - это «жизнь незамечательных людей» [8].

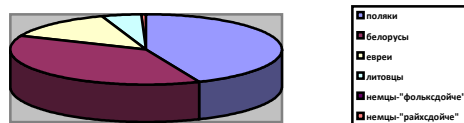
Идеологическая составляющая была важным фактором, влявшим на вектор развития повседневной жизни на оккупированной территории СССР. Суть национальных интересов Третьего Рейха раскрывают документы 1 фонда ГАГО. Иллюзии относительно перспектив развития национальных культур коренных народов Западной Беларуси разрушают материалы о грядущей колонизации немцами Гродненского района. “Как известно, после войны Белостокский округ должен быть заселён немецкими крестьянами. По причине лёгкости почв не все сельскохозяйственные площади будут подвергнуты немецкой колонизации, потому что немецкий крестьянин имеет куда более высокие требования к жизни, чем польский,” [9] – сообщалось в циркуляре, адресованном крестьянским хозяйствам Гродненского уезда, сопровождавшемся требованием немедленно дать полное описание качества земли и наличия лесопосадок для планирования переселения немцев на Восток.

В мае 1943 года, когда позади была уже Сталинградская битва и войска Советской Армии начали переходить в широкомасштабное наступление, немецкая администрация в Беларуси продолжала строить планы на счёт порабощения местного населения. Лепился образ немца-господина, который останется на завоёванных землях навсегда, из аморфной абстракции этот образ превращался в модель повседневного поведения и принимал вид конкретных инструкций. В документах 1 фонда ГАГО сохранилась инструкция гродненского бургомистра подчинённым-райхсдойче “Тому, кто едет на Восток”. В ней, между прочим, говорится: “Он должен так вести себя по отношению у чужим народам, как ведёт себя лицо, представляющее собой немецкий народ и народную атмосферу борьбы на этих пространствах. Он должен чётко понимать, что иностранцы видят в нём господина. Быть господином, значит не только занимать соответствующее социальное положение, это дело личной позиции. Наниматель, который нуждается в кнуте, чтобы заслужить почтение, или в частной жизни

поддерживает связи, которыми позорит имя немца, не господин, даже если он “господствует” на своём предприятии над 1 000 рабочих. Господин – это не тот, кто верит, что может достичь всего, не обращая внимания на окружающих, а тот, ко уважает закон, стоящий над ним, даже если сила, которую он имеет, позволяет ему преступить закон. Быть господином – это вопрос не власти, а способности и воспитания личности. Кто всегда и везде нуждается в силе, чтобы чувствовать себя господином, не имеет никаких оснований считаться господином. Господство состоит не в средствах, которые употребляются, а в том, что каждый собой представляет” [10].

В фондах ГАГО содержится статистическая информация относительно количества участников повседневных взаимодействий в Западной Беларуси в 1941-1944 гг., среди них - немцев, “райхсдойче” (уроженцев Германии) и “фольксдойче” (этнических немцев, родившихся вне пределов Германии). Например, по сведениям на 15 октября 1941 года, когда Гродненский уезд был передан гражданскому управлению, в городе Гродно насчитывалось 55 000 жителей, из их числа 2 500 “райхсдойче” (4.5%). В Гродненском уезде было зафиксировано 189 588 жителей, из них 4 295 “райхсдойче” (2.3%) [11]. В связи с перемещением фронта, через год доля немецкого населения Гродно существенно снизилась: в октябре 1942 г. в 50-тысячном городе проживало не более 400 “райхсдойче” (около 0.8%). Соотношение этнических групп в Гродненском уезде демонстрирует диаграмма 1. Она показывает, что в массе 210-тысячного местного населения «райхсдойче» составляли 0.5% (1 100 человек), а «фольксдойче» всего 0.02% (50 человек) общего числа населения.

Диаграмма 1 [12]

Повседневная жизнь представителей “арийской нации” должна была протекать при строгом соблюдении принципа этнической дистанции. В июне 1942 года Гродненский уездный комиссар требовал от бургомистра довести до сведения всех “райхсдойче”, что национал-социалисты обязаны вести себя сознательно: “К большому сожалению, многие ставят крест на чувстве сдержанности по отношению к евреям. Распространилось мнение, что, в принципе, возможно использование еврейских ремесленников и поставщиков, особенно если они являются самыми лучшими”. Комиссар сожалел, что некоторые немцы “не задумываясь, платили евреям фантастические цены за безвкусовые вещи” и обещал, что не соблюдающие в отношении местных жителей (в особенности евреев) дистанцию будут выселены из оккупированных областей. Недопустимо для “райхсдойче” посещать местные богослужения и останавливаться в гостиницах, если существуют специальные гостиницы для немцев. Помимо регламентации отношений с “чужими” действовали и правила в отношении “своих”: “Я прошу женщин-служащих предоставить себя в распоряжение госпиталей. Если время и деньги позволяют, каждая немка-служащая должна радовать пациентов лазарета мелкими подарками или хотя бы визитами” [13].

Главы немецкой администрации пристально следили за тем, чтобы между “арийцами” и “неарийцами” не устанавливались близкие отношения. В сентябре 1942 г. руководитель “Немецкого рабочего фронта” Восточной Пруссии обеспокоенно сообщал руководителям немецких предприятий Белостокского округа: “Мне постоянно сообщают, что райхсдойче-вольнонаёмные служащие поддерживают знакомства с польскими работниками, посещают их на квартирах, принимаю участие в семейных торжествах, крещении детей, свадьбах и т.д. Я прошу руководителей предприятий и

глав союзов немецких вольнонаёмных служащих объяснить каждому райхсдойче, что им категорически запрещается поддерживать знакомство с представителями чужих народов. Райхсдойче нечего искать ни на польском семейном торжестве, ни в польской семье... Требую сразу же сообщать о подобных случаях мне". Языком повседневного общения "райхсдойче" с местным населением должен быть исключительно немецкий: "Употребление польского языка райхсдойче допустимо только в случае крайней производственной необходимости" [14].

Для предотвращения ошибок в распознании "своих" в быту, в 1944 г. инструкцией №69 для военных и гражданских служащих "райхсдойче" работающих в Гродно, вводились знаки различия. "Райхсдойче должен быть внешне узнаваем, поэтому приказываю носить значки. Для членов партии ношение партийных знаков отличия само собой разумеется" [15].

Особой заботой Имперской службы пропаганды в Восточной Пруссии было обеспечение благонадёжности "фольксдойче", местных немцев. Для этого выпускались многочисленные брошюры, пропандировавшие "немецкий образ жизни". Бургомистры, школьные советники и уездные комиссары обязаны были позаботиться, чтобы ими были снабжены все дома, школы и каждый класс детей-"фольксдойче" без исключения [16].

Политика размежевания между местным населением и немцами проецировалась на сферу повседневной трудовой деятельности. Она подразумевала различие в заработной плате. Ещё 1 октября 1941 г. инструкция Верховного президента провинции Восточная Пруссия определила дифференцированный порядок оплаты труда: "Оплата службы местных работниц ненемецкого происхождения может составлять до 60% тарифов оплаты работниц-"райхсдойче" без надбавок на детей и премий, за чрезвычайные успехи может быть начислена премия до 10%" [17]. В Строительном отделе гродненской уездной администрации руководящие посты были переданы "райхсдойче" [18].

Немецкая администрация проявляла заботу о комфорте служащих немецкого происхождения, которых "дискриминировало" местное население. Так, обязанные бесплатно обслуживать немцев кучера всячески уклонялись от этой повинности. "Дрожки редко предоставляются в распоряжение райхсдойче, потому что кучера с большим удовольствием едут с местным населением, за час выполняя до 10 заказов. Желательно было бы издать запрет на пользование дрожками без разрешения для местного населения с тем, чтобы дрожки действительно всегда были в распоряжении райхсдойче" [19].

Особую проблему составляло медицинское обслуживание "арийцев": когда фронт откатился на Восток, на оккупированных территориях абсолютное большинство штата в медицинских учреждениях состояло из славянского населения, а в такой области, как стоматология и вовсе преобладали еврейские врачи. Поэтому окружной комиссар Гродно в распоряжении, касающемся работы и частной жизни своих работников 11 апреля 1942 г. сообщал, что "в резевном лазарете в Новом замке устроен зубоврачебный кабинет, в котором врачи – немецкие граждане проводят лечение зубов для "райхсдойче," – и подчёркивал, – ни в коем случае нельзя допускать лечение зубов райхсдойче евреями-врачами" [20].

Повседневная жизнь «фольксдойче» была объектом пристального внимания немецкой оккупационной администрации. Как отмечал Л. де Йонг, согласно посланному в Берлин отчёту, «местные немцы, даже если они не являются коммунистами, имеют совершенно неправильное представление о взаимоотношениях внутри Рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации» [21]. Желая «исправить» мировоззрение «фольксдойче», имперские власти начали с воспитания младшего

покоління. Основание немецких школ стало магистральной линией культурной политики. 7 ноября 1941 г., когда немцы были уверены в том, что на территорию Беларуси они пришли навсегда, Городской секретарь Гродно доносил Верховному президенту Белостокского округа: «В интересах укрепления господствующего положения и влияния немцев, я считаю нужным введение немецких народных школ. В этом случае можно исключить нежелательное влияние враждебных сил на воспитание детей и поставить его под контроль. (...) Самым важным является создание немецких школ для зарегистрированных здесь детей фольксдойче» [22].

О результатах этой работы можно судить из отчёта об инспекции гродненской народной школы от 7 июля 1943 г. 4-классная школа состояла из двух отделений – для детей-«райхсдойче» и около 60 «фольксдойче». В конце года на проверке ученики демонстрировали умение говорить, читать и считать по-немецки без помощи тетрадей и книг. С этим успешно справились «райхсдойче», но местные немцы показали недостаточный уровень знаний. Д-р Пастернак из Школьного совета отметил старательность учительниц, которые явно испытывали недостаток учебников и методических пособий и предложил назначить руководителем школы немецкого учителя, а для учительниц на каникулах провести курсы, чтобы «...учить их с точки зрения методики и мировоззрения». Дети-«фольксдойче» с трудом говорили по-немецки, поэтому на службу брали учителей, владеющих как немецким, так и польским языками. Согласно отчёту, в Гродно была также частная школа для 25 детей-«райхсдойче», коренной немец, её руководитель, учил и своих коллег-«фольксдойче». Касаясь сферы досуга, инспектор подчеркнул, что в Гродно заботятся о развлечениях для «райхсдойче»: ежедневно в городском театре специально для них даётся представление [23].

Повседневное и трагическое, жизнь и смерть связаны тонкими нитями. Ужас Холокоста запечатлён в архивных документах сухими строками статистики, отчётов, распоряжений. Бюрократическому языку чужды выражения «варварское уничтожение» или «циничный грабёж», поэтому документы ГАГО, свидетельствующие о ликвидации еврейских гетто, расстрелах и отправке в концентрационные лагеря их узников в Гродненском уезде зимой-весной 1943 г. пользуются нейтральными понятиями «еврейская акция», «уборка еврейских вещей», «транспортировка евреев». Когда гетто опустело, оккупанты озаботились распределением оставшихся в домах вещей. И здесь приоритет немецких интересов был поставлен во главу угла. Первыми выбирали себе предметы обихода (мебель, посуду, постельные принадлежности) «райхсдойче». «Не подходящие им вещи евреев могут свободно продаваться с аукциона местному населению», – распорядился бургомистр Гродно 10 сентября 1943 г. [24].

Обсуждая грядущую «акцию», чиновники гражданского управления Белостокского округа и волостные комиссары пришли к выводу о необходимости пристального контроля за её проведением. «Важно не допустить случаев мародёрства. Каждый «райхсдойче», который станет красть еврейское имущество, будет рассматриваться как мародёр и, невзирая на свои прежние заслуги, будет притянут к ответственности и отправлен в тюрьму. С другой стороны, мы не должны мелочиться. Для еврейских вещей должна быть установлена минимальная цена. Всё должно быть обставлено не грабительски и примерно, потому что на эту акцию смотрят не только все «райхсдойче» этого уезда, но также провинции и Вермахта. Нельзя сделать так, чтобы потом сказали, что мы нечестно торговали.» – именно в таком ключе рассматривалась нравственная сторона процесса перераспределения имущества убитых евреев [25].

Сфера повседневности, до конца XX века явно маргинальная для исторических исследований, обладает особой значимостью при реконструкции драматических моментов прошлого. Задача правильного использования материалов, касающихся

повседневной жизни, актуальна при организации социокультурной деятельности, а фокусе которой находятся события Второй мировой войны. Как известно, социально-культурная деятельность состоит в организации рационального и содержательного свободного времени, удовлетворяет потребность индивида не только в отдыхе, но и в творчестве, делает его досуг содержательным, развивает индивидуальность. Она проявляется в просветительской работе, культурно-досуговой деятельности и, в идеале, должна иметь развивающий и гуманистический характер.

Поскольку в контекст социально-культурной работы включены воспитательный и идеологический аспекты, обращение к теме Второй мировой войны поможет работнику социокультурной сферы обнаружить много сюжетов, способных найти эмоциональный отклик в душах людей, на примерах из жизни показать трагизм войны, недопустимость её повторения, необходимость проявления в самых суровых обстоятельствах лучших человеческих качеств. В современной белорусской идеологии Великая Отечественная война советского народа показана центральным событием не только XX века, но и всей истории Беларуси. В высших учебных заведениях существует отдельный обязательный для изучения всеми специальностями курс по истории Великой Отечественной войны, на уровне СНГ выполняется государственная программа мероприятий, посвящённых годовщинам начала войны и победы над гитлеровской Германией, проводятся туристические слёты, школьные олимпиады, тематические смены для кадетов и школьников в лагерях отдыха. Активную работу проводит уникальный Государственный музей истории Великой Отечественной войны, исторические реконструкции сражений той поры проводит историко-культурный комплекс «Линия Сталина».

Всё это важная и нужна работа, но, проводимая по указке «сверху», находящаяся в зоне жёсткого административного регламента, популяризация истории Второй мировой войны в учебных заведениях зачастую превращается в ряд формальных мероприятий «для галочки». Насаждённая авторитарно-принудительными методами, подобная работа не может затронуть душу молодого человека, поэтому, к сожалению, такая самодеятельность принимает показной вид. Каким видится выход из сложившейся ситуации? Одним из возможных вариантов является обращение к сфере повседневной жизни периода Второй мировой войны. Ничто так не объединяет современного человека с его предками, как сфера повседневности: нас может не волновать количество выплавленной стали или площади распаханых земель, не вдохновлять на раздумья о смысле жизни сухая статистика, но рассказ о том, как и чем жили ушедшие поколения, как любили, мечтали, надеялись, как выживали в трудных условиях войны, - эти вопросы всегда будут интересны аудитории.

Вследствие этого, организуя досуг в социально-значимых целях, работники социокультурной сферы (сотрудники музеев, библиотек, клубов, организаторы выставок) должны уйти от позитивистского понимания истории, для которой авторитетен только «голый факт», статистика, но обратить внимание на поиск информации о сфере повседневности, «очеловечить» историю. Воспринимаемая как история не масс, а конкретных людей с разными убеждениями, социальным статусом и интеллектуальным багажом, попавших в мясорубку кровавых событий – кто-то одурманенный идеологией, кто-то по велению долга, кто-то по принуждению – история Второй мировой войны зазвучит по-новому. Отражённая в мелких подробностях быта, в моделях поведения, в истории чувств, тема войны затронет подрастающее поколение эмоционально. При этом важно видеть эту историю с деполитизированной позиции, без ненависти к историческому противнику, но с пониманием войны как общей драмы, тогда социокультурная деятельность приобретёт глубокий гуманистический смысл. А помочь в создании целостной картины повседневной жизни могут архивные фонды, которые и сегодня продолжают ждать своих исследователей, в том числе и

Государственный архив Гродненской области, в котором собран широкий спектр письменных источников периода Второй мировой войны.

РЕЗЮМЕ

Друга Світова війна є стержнем державної ідеології, виховної роботи та художньої творчості в Беларусі. Це в значній мірі актуалізує роботу щодо пошуку та наукового використання архівних джерел, які конче потрібні в деміфологізації історії цього періоду. Авторкою статті було проведено дослідження значного кола джерел у Державному архіві Гродненської області, за допомогою яких було зроблено реконструкцію повсякденного життя німців у Беларусі (1941-1944). Сформовано рекомендації щодо використання цих документів у соціокультурній роботі.

Ключові слова: повсякденне життя, «фольксдойче», письмові джерела, архів.

SUMMARY

World War II is the focus of educational work and artistic creation in the Republic of Belarus, it was the core of the current state ideology. This updated entry work in scholarly archival sources that can help in demythologizing the history of the historical period and the use of this information in social and cultural activities. The author of the article in the State Archives of Grodno Region conducted to identify a wide range of sources which can reconstruct the daily lives of Germans in Belarus (1941-1944). It made recommendations on the use of these instruments in the social and cultural work.

Keywords: everyday life, "Reichsdeutsche", "Volksdeutsche" socio-cultural activities, written source archive.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Еленская, И. Документы немецко-фашистских оккупационных органов и учреждений как исторический источник: по материалам ГАГО: Автореф. дис. ...канд. ист. наук / И. Еленская. - Мн., 1999. – 26 с.
2. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 г.) / Б. К'яры. – Мінск: Б-ка часоп. “Беларускі гістарычны агляд”, 2008. – 390 с.
3. Das Deutsche Reich und die Zweite Weltkrieg. – Muenchen, 2004. – Bd. 9: Die Deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945: Erster Halbband: Politisierung, Vernichtung, Ueberleben / Hrsg. J. Echternkamp. – 645 S.
4. Крывашэй, Д.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.) / Д.А. Крывашэй. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 198 с.
5. Тугай, В.В. “Фольксдойче” в Беларусі / В.В. Тугай, С.М. Тугай // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Мн., 2004. – С. 135–138.
6. Бракель, А. Межнациональные конфликты как следствие национальной политики советской и немецкой властей (1939 – 1944) / А. Бракель // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Мн., 2004. – С. 77–84.
7. Соболевская, О.А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – 1 пол. XIX века: моногр. / О.А. Соболевская. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 24–25.
8. Цит. по: Кожевникова С.Н. Культура повседневности Западной Европы от Античности до XIX века: учебное пособие. - Магнитогорск: МаГУ, 2005. – С. 14–15.
9. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 536. – Л. 1.
10. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 10 об.
11. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 536. – Л. 56.

ІСТОРИЧНІ І ПОЛІТОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ, № 3(53), 2013 р.

12. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 251.
13. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 257. – Л. 127, 166.
14. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 29.
15. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 308. – Л. 15.
16. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 1.
17. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 3.
18. ГАГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 9-10.
19. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 76.
20. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 1.
21. Цит. по: Кривашэй, Д.А. Указ. Соч. – С. 39.
22. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 22 об.
23. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 30, 39, 39 об., 254.
24. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 11 об.
25. ГАГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 2, 10, 102.

Надійшла до редакції 12.10.2013 р.